

Источники и литература:

1. Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации : монография / науч. ред.: И. И. Кальной, А. В. Горбань. – Симферополь : ИТ АРИАЛ, 2011. – 648 с.
2. Гидденс Э. Элементы теории структуризации / Э. Гидденс // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск, 1995. – С. 41.
3. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность : московские лекции и интервью / Ю. Хабермас. – М. : КАМІ; Academia, 1995.
4. Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории / Ю. Хабермас; пер. с англ. Ю. С. Медведева; под ред. Д. А. Складнева. – М. : Наука, 2001.
5. Резник Ю. М. Гражданское общество как идея / Ю. М. Резник // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 4. – С. 109-112.
6. Поппер К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. – М., 1992. – Т. 1. – С. 217-218.
7. Гаджиев К. С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. – 1991. – № 7. – С. 30.

Масаев М.В.**УДК 930.1****СИМВОЛ КАК КЛЮЧЕВАЯ ТОЧКА ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ
(в свете концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций
и народов)**

*Не событиями захвачено всё существо человека, а символами
Андрей Белый*

Постановка и актуальность проблемы. Пятое (первое перестроечное) издание Советского философского словаря дало философской антропологии двойное определение:

- «философское учение о человеке», синтезирующее «объективно-научное и ценностное видение человека и мира» [2, с. 514] – для исследователей-марксистов;

- «синтетическая» концепция человека, учение «о сущности и сущностной структуре человека», «о человеке с точки зрения самого человека» - для М. Шелера, Г. Плеснера, Г. Хенгстенбергера, А. Гелена, П. Ландсберга, Э. Ротхакера; представителей «культурной антропологии» Э. Кассирера и М. Ландмана; представителя «реалистической антропологии» Г. - К. Кальтенбруннера; «философии надежды» Э. Блоха; «абстрактного гуманизма» Э. Фишера и прочих вариантов «буржуазной философской антропологии» [2, с. 514].

Сейчас, когда вся философия на постсоветском и постсоциалистическом пространстве стала вполне «буржуазной», всю философскую антропологию можно определить не как философское осмысление науки антропологии, а как учение о природе (сущности) человека.

Поэтому, развивая идеи Мераба Мамардашвили, можно сказать о философской антропологии следующее: поднятый мыслью Карла Маркса пласт реальности, обнаживший массив «новых предметных переплетений и зависимостей», это «геологическое обнажение» [6, с. 249] стало объектом освоения сначала в «ложной форме» (феноменологами, экзистенциалистами, психоаналитиками и др.) [6, с. 251], а затем и более или менее адекватно всем философским миром.

Актуальность работы заключается в том, что социум транзитивного периода пребывает в ситуации исторических вызовов, на которые очень трудно найти адекватный мироустроительный ответ. Поиски же ответов на эти вызовы оборачиваются неадекватными решениями в повседневной жизни, которые влекут за собой непредвиденные последствия в форме военных конфликтов, «столкновений цивилизаций» и т. п. Всё это заставляет философов и историков, политологов и социологов задумываться над вопросами, что же переживает сейчас человек, «звёздный час или последний миг». Знаменитое, ставшее символическим высказывание «всё перевернулось как на гончарном круге» заставляет пересматривать старые образы и символы, проводить их своеобразную ревизию.

Осознанно или неосознанно, образы и символы используются историческими личностями в качестве эффективного инструмента в их деятельности и, прежде всего, в достижении власти или удержании её. Но учёные, как правило, не придают этому особого значения, а политики об этом умалчивают.

Роль образов и символов в историческом процессе возрастает многократно в условиях, когда политические деятели вынуждены всё больше и больше диссимулировать стоящие за ними национальные, классовые, геополитические, макро- и микроэкономические и прочие интересы.

История и политика повелительно требуют от практической философии исследовать такой фактор исторического процесса как символ. Особенно интересен символ как предмет исследования такого раздела философии как философская антропология.

Объект исследования – философская антропология.

Предмет – символ как ключевая точка философской антропологии в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов.

Новизна исследования состоит как раз в том, что проблема символа как ключевой точки философской антропологии в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов рассматривается впервые.

СИМВОЛ КАК КЛЮЧЕВАЯ ТОЧКА ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ
(в свете концепции парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов)

Роль парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов в философском осмыслении человеческой истории была изучена в частности в книгах [3; 4] и многочисленных статьях автора, публикуемых с 2000 года по настоящее время.

Цель работы – установление «символических» ключевых точек философской антропологии.

Для достижения этой цели необходимо выполнить **задачу** рассмотрения парадигмальных образов и символов эпох, цивилизаций и народов в качестве ключевых точек философской антропологии.

М. К. Мамардашвили ещё в 1989 г. в статье «Как я понимаю философию», вошедшей в 1992 г. в одноименную книгу [6], отметил очевидность того, что только символы создают режим, в котором «могут совершаться и совершаются события нашей сознательной жизни» [6, с. 19].

На эту мысль М. К. Мамардашвили навело содержание «Божественной комедии» Данте, этой «символической записи странствий души» [6, с. 18]. И «тёмный сумрачный лес», и «светлая точка на вершине горы» (символ возвышенного духовного рая), и преграждающая путь страннику волчица (символ скупости, жадности) – все эти «символы» – «орудия нашей сознательной жизни». «Они – вещи нашего сознания, а вовсе не аналогии, не сопоставления, не метафоры» [6, с. 18-19].

В поисках «пробного камня, с помощью которого можно определить, мыслимо ли что-то, реальна ли возможность моего собственного мышления» [6, с. 21], М. К. Мамардашвили соглашается с Осипом Мандельштамом о необходимости «дальнего собеседника», чтобы мысли не оказались не-мыслями. Для этого нужна «другая точка человеческого пространства и времени, человеческого бытия, в которой твой акт может заново возродиться как возможность мышления, выполненного другим человеком. Возрождение – вот опять символ, указывающий на некое устойчивое образование», – не удерживается М. К. Мамардашвили от очередного комплимента в адрес символа [6, с. 22].

Всё это дало преподавателю Армавирского филиала Кубанского государственного университета А. Е. Бугаеву выделить в антропологии М. К. Мамардашвили символ в качестве её первой ключевой точки [5, с. 265].

И это относится к любому символу, любому «орудию нашего сознания» [6, с. 19]. Насколько же велика роль символа, задающего парадигму развития целой эпохи, всей цивилизации, целого народа! «Орудия нашего сознания», символы, управляют не только индивидуальным, но и коллективным сознанием.

Как отмечает А. Е. Бугаев, рассматривая антропологию М. К. Мамардашвили, «если человек жив сознательной жизнью (хотя, никакого другого существования, кроме сознательного, у человека, по Мамардашвили, не может быть), сознательность реализуется именно в символике» [5, с. 265].

Так символ становится у М. К. Мамардашвили ключевой точкой всей антропологии, а сама антропология представляет человека внеприродным, а точнее «избыточным» по отношению к природе существом [5, с. 265].

В результате можно сделать следующий **вывод**: символ предстает как ключевая точка философской антропологии, вне которой никакая антропология проблему сущности человека решить не может.

Источники и литература:

1. Белый А. Символизм как миропонимание / А. Белый; сост., вступ. ст. и прим. Л. А. Сугой. – М. : Республика, 1994. – 528 с.
2. Философская антропология // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1987. – С. 514.
3. Масаев М. В. Философия истории : учеб.-метод. пособие / М. В. Масаев; М-во образования и науки Украины; М-во образования и науки Автоном. респ. Крым; Респ. высш. учеб. заведение «Крымский гуманитарный университет». – Симферополь : Доля, 2008. – 304 с.
4. Масаев М. В. *Singulum vitae* парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций : монография / М. В. Масаев. – Симферополь : Доля, 2011. – 512 с.
5. Бугаев А. Е. Антропология Мераба Мамардашвили: идея сверхприродного человека / А. Е. Бугаев // Русская философия: история, методология, жизнь / отв. ред. : Г. Аляев, Т. Суходуб; Об-во рус. филос. при Укр. филос. фонде; Полтав. нац. техн. ун-т им. Ю. Кондратюка; Ин-т филос. им. Г. С. Сковороды НАН Украины; Центр гуманитарн. образования НАН Украины; Сектор истор. рус. филос. Ин-та филос. РАН; Укр. Академия русистики. – Полтава : ООО «АСМИ», 2011. – («Украинский журнал русской философии. Вестник Общества русской философии при Украинском философском фонде»; вып. 10). – С. 265-269.
6. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили. – М. : Прогресс, 1992. – 416 с.